

— Разумеется, я могу это сделать, но я не в силах изменить уже свершившееся. Сын, я хочу, чтобы ты изменил настройки. Мне любопытно, на что ты способен: если ты можешь по своему желанию менять даже фундаментальные установки, то насколько же силен ты был в своем истинном обличье?

— Настройки изменить нельзя, но можно подправить некоторые незначительные воспоминания. Что ж, приятного путешествия, мой дорогой папа.

У Мин уловил скрытую в глубине системы ненависть. Да, система его ненавидела, и это его вполне устраивало. В конце концов, сейчас система ничего не могла ему сделать: он выстоял перед лицом Небесного Дао, что уж говорить об этом бренном мире.

— Хорошо, мой дорогой сын. Давай найдем нашего агента и сделаем ему сюрприз. М-м, я хочу, чтобы он выглядел посимпатичнее.

— Не волнуйся, он весьма хорош собой. К тому же он натурал, у него красавица-жена и очаровательные дети-близнецы.

— ...

Когда У Мин нашел Ли Цина, тот как раз выходил из ресторана. И он, и его жена были известными агентами, но позже супруге пришлось оставить работу ради детей. Ли Цин был благодарен такой добродетельной жене, но, несмотря на это, мог уделять семье лишь крохи своего времени.

— Ли-гэ? — раздался тихий, осторожный голос, когда они с женой собирались уходить.

Ли Цин обернулся. Перед ним стоял невероятно красивый юноша. Сейчас его знали многие: У Мин, тот самый гей, вокруг которого раздули грандиозный скандал. Он был его подопечным, хотя компания, кажется, уже решила поставить на нем крест.

— У Мин? Уже поздно, что ты здесь делаешь? — Ли Цин все еще сохранял остатки совести по отношению к своим артистам, хотя этот парень стал для него настоящей головной болью. Было загадкой, почему человек с такой выдающейся внешностью до сих пор не стал звездой, и настоящим чудом, что с ним до сих пор не расторгли контракт.

— Прошу прощения, что отвлекаю вас с супругой, Ли-гэ. Но можно поговорить с вами наедине?
— У Мин слегка улыбнулся женщине, стоявшей за спиной Ли Цина. Его застенчивая улыбка казалась такой хрупкой.

Женщина дернула мужа за рукав, кивнула, давая понять, что он может идти по делам, а она сама доберется до дома с детьми.

Ли Цин замялся, но не смог отказать жене в ее доброте. Он поцеловал ее в щеку, извиняясь за задержку.

У Мин отвел взгляд. Он терпеть не мог такие проявления нежности, особенно сейчас.

Ли Цин выбрал тихую, уютную кофейню.

— Что будешь пить?

— Ли-гэ, ты ведь понимаешь, зачем я пришел, — прямо сказал У Мин, его голос слегка охрип.

— В общих чертах. Но пойми, сейчас твой статус, мягко говоря, неловкий. Тебе нужно время, чтобы переждать бурю, — Ли Цин нахмурился. Он был бессилен: репутация У Мина была безнадежно испорчена.

— Я знаю. Но Ли-гэ, я в тупике. Я понимаю, что мое имя сейчас звучит как ругательство, но дай мне шанс. Я сотворю чудо, и ты увидишь, — У Мин смотрел на Ли Цина с такой решимостью, что его прекрасное лицо могло заморозить кого угодно.

Ли Цин заколебался. Он внимательно вгляделся в лицо У Мина. Раньше он не обращал на него особого внимания, помнил лишь как замкнутого, застенчивого паренька. Но сейчас он вдруг осознал, насколько тонкие черты у этого юноши. Если бы не скандалы, он давно бы уже был на вершине шоу-бизнеса.

— У Мин, я дам тебе два варианта. Мои возможности ограничены, ты сам это знаешь. Первый: я даю тебе несколько шансов, но совсем крошечных. Сможешь ли ты подняться — зависит только от твоей удачи и мастерства. Второй: я представлю тебя одному влиятельному человеку. Ты же знаешь, многие сильные мира сего любят таких мальчиков, как ты. В конце концов, твоя единственная проблема — это сексуальная ориентация.

Ли Цин, нервно переплетая пальцы на столе, с сомнением посмотрел на него:

— Ну, что выбираешь?

У Мин закусил губу, казалось, он погрузился в глубокие раздумья.

— Сын, как думаешь, стоит ли папе прогнуться под власть имущих или лучше положиться на себя?

— Разве ты не всегда прогибался под власть имущих?

— Раз уж ты так говоришь, сын, то пусть будет по-твоему.

У Мин, приняв решение, с легкой грустью посмотрел на Ли Цина:

— Ли-гэ, ты меня знаешь. Столько лет на сцене, а я все еще не могу забыть о своей мечте. Дай мне маленький шанс, любой, какой угодно.

Ли Цин кивнул:

— Хорошо. Жди моего звонка, я все устрою.

У Мин улыбнулся:

— Спасибо, Ли-гэ.

— Знаешь, ты стал смелее, чем раньше, — бросил Ли Цин, собираясь уходить. Он плохо помнил У Мина, но тот казался совсем другим, чем в его воспоминаниях.

— Когда человек загнан в угол, он неизбежно меняется, разве нет? — ответил У Мин и проводил его до выхода.

Когда Ли Цин уехал, У Мин с усталостью в глазах спрятал руки в карманы и зашагал в ночную мглу.

— Я думал, ты выберешь второй вариант.

— Я что, выгляжу как такой человек? Признаю, я неразборчив в чувствах, но у меня есть принципы. Я не из тех, кто отдается кому попало.

— Потому что если ты начнешь размениваться, то перестанешь быть человеком, мой дорогой папа. На самом деле, мне было бы безумно интересно посмотреть на тебя в жалком состоянии. Теперь ты бездомный.

— Знаю. Этот Ли Цин, хоть и неплохой человек, но тоже равнодушный.

Тень У Мина растянулась под фонарем. Он шел сквозь ночь, не зная, куда держит путь, да и само его существование было лишь бесконечным скитанием.

— Ли Цин прекрасно знал, что мне негде ночевать, но даже не спросил. Сказал ждать звонка, хотя мы оба понимаем, что никакого звонка не будет. Он оставил мне лишь один путь — принять правила игры, если я хочу выжить. Человеческая натура — она такая.

— И что ты будешь делать теперь?

— Я так и знал, что поручение, которое ты мне дал, не сулит ничего хорошего. Теперь я жалею. Пусть все вернется на круги своя: я уже уволен, так что теперь я свободен, как ветер.

— Как пожелаешь.

У Мин пнул камень под ногами и холодно произнес:

— Ты меня ненавидишь, да? Что ж, скажу тебе прямо: я тоже тебя ненавижу.

— И что с того?

— Ничего. Просто хотел, чтобы ты порадовался. — У Мин усмехнулся и обернулся на шум из переулка, откуда вышли несколько парней с бандитскими замашками.

— О, кто это у нас? Слышали, ты по мальчикам?

— А мордашка-то ничего, симпатичная. Мы тоже парни, может, поразвлекаемся вместе?

— Да, давай повеселимся?

Хулиганы смотрели на У Мина с нескрываемым сальным интересом. У Мин вдруг ослепительно улыбнулся:

— Хорошо.

Три минуты спустя У Мин вышел из переулка, сжимая в руке несколько красных купюр.

— Черт, такая мелочь, даже не смешно, — пробормотал он.

Через двадцать минут он заселился в отель. В номере был компьютер. У Мин открыл его и поискал информацию о себе: почти сплошные проклятия. Хотя ажиотаж немного спал, он прочно закрепился в списке самых ненавидимых звезд.

Репутация — хуже некуда. И все из-за ориентации, которую СМИ раздули до масштабов сталкерства, извращений и безумия. Да уж, сплетни в наше время ничего не стоят.

У Мин также проверил новости о главных героях. Они были счастливы вместе, даже снялись в фильме. Сюжет был пустой, сплошная коммерция. Посмотрев на все это, У Мин начал

планировать свои следующие шаги.

Вскоре он увидел афишу конкурса Голос небес. Раз уж его репутация была испорчена, почему бы не начать с вокала, чтобы потом вернуться в кино? К тому же, ему нужно было отмыться от грязи.

Однако из-за прошлого У Мина отбор проходил не гладко. Однажды на сцене в него даже полетели тухлые яйца. У Мин лишь беспомощно улыбнулся и продолжил петь, а после потребовал запись этого инцидента.

Первичные прослушивания были лишь разминкой, самое важное начиналось потом. Голос небес был одним из немногих честных конкурсов в стране, где жизнь артистов была как на ладони, а конкуренция была жестокой.

Каждый раз, когда У Мин перемещался в новое тело, его физические параметры доводились до предела, поэтому пройти в топ-50 было для него проще простого. Он оказался на главной сцене и заселился в отель для звезд.

Пятьдесят человек, неделя за неделей — отсев шел быстро. В первой — минус десять, во второй — еще десять, в третьей — десять, в четвертой — восемь, остается двенадцать. Затем по двое, пока не останется тройка финалистов.

У Мин был честолюбив. Он не любил быть вторым; он всегда стремился только к первому месту.

Когда он с чемоданом вошел в отель, то заметил на себе косые, а порой и откровенно враждебные взгляды. Неужели оригинал был настолько противен? Всего-то гей. Прожив столько жизней, У Мин считал, что как раз гетеросексуалы — это что-то непостижимое.

По правилам программы в номере жили по двое. Когда объявили, что У Мин будет делить комнату с неким Ли Юнем, тот скривился:

— Я не хочу жить с ним! Вдруг он ночью что-нибудь со мной сделает?

— Пф-ф! — по залу пронеслись насмешки.

У Мин слегка опустил глаза и прикусил губу, стараясь сохранить невозмутимость.

— Это решение организаторов. Если вас что-то не устраивает, можете уйти, но это будет означать потерю шанса, — невозмутимо отрезал режиссер. Скандал вокруг У Мина еще не утих, и программа надеялась поднять на нем рейтинги. К тому же, он действительно был талантлив.

— Я... — Ли Юнь нахмурился, колеблясь.

— Если не возражаешь, я поменяюсь с тобой, — раздался низкий голос. Все обернулись: парень в серой одежде, с выбритыми висками, крепким телосложением и дерзким видом. Крутой такой парень.

— Ты... — Ли Юнь засомневался, но кивнул и посмотрел на режиссера: — Можно?

— Это ваше решение. Я лишь распределяю комнаты. Сегодня отдыхайте, завтра съемки промо-ролика, а в выходные — первый тур. Десять человек вылетят, так что не расслабляйтесь, иначе будете собирать чемоданы домой.

Режиссер был безжалостен, но правдив. Этот мир жесток: есть ресурсы — идешь вверх, нет — становишься ступенькой для других.

У Мин и этот парень получили номер 11. Комната небольшая, но чистая, хотя на стенах висели камеры. У них было мало вещей, так что они быстро обустроились.

У Мин постоял немного и тихо произнес:

— Спасибо.

— Меня зовут Кани, — сказал парень и протянул У Мину банку пива.

— Метис? — У Мин принял пиво и отпил. Голубые глаза парня говорили сами за себя.

— Не за что. Немецко-китайские корни, — лаконично ответил Кани. Он достал гитару и начал тихо наигрывать очень красивую мелодию.

— Я покинул далекий дом,

Где мой путь лежит теперь?

Стук колес звенит в ушах,

Я хочу вернуться к тебе...

У Мин подхватил песню. Это была немецкая баллада, которую он слышал в сети. Его голос был чистым, с особым привкусом тоски по дому.

Кани пристально посмотрел на него и продолжил играть. Голос У Мина и гитара Кани слились в простую, но берущую за душу песню о тоске по родному краю.

В открытое окно лился солнечный свет, легкий ветерок шевелил их волосы. Картина казалась застывшей, они переглянулись и улыбнулись друг другу, словно старые друзья.

Режиссер, наблюдавший за этим из аппаратной, загорелся:

— Этот момент обязательно оставить!

У Мин не знал, что стал объектом пристального внимания. Впрочем, Кани оказался неплохим парнем, и жить с ним было вполне терпимо.

На следующий день пятьдесят участников отправились на съемки промо-ролика. Тема была — солнце, пляж, лето.

Ролик длился всего три минуты, поэтому не каждый мог попасть в кадр. Те, кому достались крупные планы, были на особом счету.

Для У Мина это было проще простого. Оператор хотел снимать его постоянно: изящное лицо, манящая фигура и эти глаза, полные невысказанных слов. Режиссер съемки восторженно кричал:

— Ты должен стать моделью! Ты рожден для прожекторов! Ты будешь любимцем всех, ты — избранник богов!

У Мин лишь улыбнулся. Черт, вот это он нажил себе врагов! Если красота — это грех, то он, видимо, грешен во всем.

Конечно, это вызвало недовольство остальных, но поделать они ничего не могли. После съемок фотограф подошел к У Мину и протянул визитку:

— Поверь мне, если захочешь, ты станешь лучшей моделью.

У Мин вежливо улыбнулся, намекнув, что подумает, хотя про себя решил: «Ни за что».

Когда они вернулись в отель, атмосфера стала напряженной. У Мина сторонились все, кроме Кани.

— Кажется, я тебя подставил, — с легким вздохом сказал У Мин в номере.

— Я все равно не люблю толпу, — Кани достал зажигалку и сигареты, подошел к окну и выпустил дым.

— Камеры же следят, не боишься нарушить правила? — У Мин усмехнулся и протянул руку: — Дай одну.

Кани открыл пачку. У Мин взял сигарету и, когда Кани хотел поднести зажигалку, подался вперед, прикурив от его сигареты.

У Мин затянулся и выдохнул дым прямо в лицо Кани, скрывая его эмоции.

— Не боишься наказания? — тихо спросил Кани.

— Потому что это и есть настоящий я, — У Мин усмехнулся, — я курю, играю на инструментах. Кстати, я давно присмотрел твою гитару.

— Если попадешь в топ-12 — одолжу.

— Не врешь?

— Не вру.

— Только не сломай ее до того времени, — У Мин улыбнулся так ярко и чисто.

Режиссер в аппаратной, глядя на эту сцену, покраснел. Дружба между чистыми юношами? Как-то это странно выглядело! Если это пустить в эфир... Господи, рейтинги взлетят до небес!

— Оставить! Обязательно оставить эти кадры!

Скоро наступила первая неделя соревнований. Это был командный этап. И хотя они были в паре, кто-то один мог вылететь. У них было всего пять дней на подготовку.

У Мин и Кани выбрали зарубежную рок-композицию, полную бунтарства и безразличия к миру.

Когда началось выступление, свет прожекторов ослеплял. В зале было пятьсот зрителей, чьи голоса составляли половину успеха, остальные зависели от пяти экспертов-музыкантов.

У Мин понимал, что зрители его не любят, но если он завоюет голоса экспертов, то остаться будет несложно.

Они вышли на сцену одиннадцатыми.

— У Мин, убирайся вон! — раздалось из зала. Какой-то зритель с мегафоном орал во всю глотку. — Чертов гей, извращенец, преследователь Сюань-Сюаня! У Мин, проваливай из шоу-бизнеса! Вон отсюда!

— Вон! Вон! Вон! — скандировала толпа.

У Мин стоял на сцене, не зная, что делать, и уже готов был уйти, как вдруг Кани крепко взял его за руку. Он сделал знак музыкантам, и музыка зазвучала, заглушая крики.

— Теперь ты мой партнер, — сказал Кани, — и я не позволю тебе уйти со сцены. Не позволю уйти от меня.

У Мин посмотрел на Кани. Тот был предельно серьезен. У Мин беззвучно прошептал три слова, остался на сцене и вместе с Кани допел песню до конца.

<http://bllate.org/book/21658/2234881>